

- ¹³ Типологически параллельно румынское название дьявола *Pistruelul*. См.: Цивьян Т. В. Змея-птица: к истолкованию тождества. — В кн.: Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984, 50. Здесь же о пестроте как постоянном атрибуте «превращенной змеи» — птицы, саламандры, козы и т. п., вплоть до *Petru pistrițu* 'пестрый Петр' в румынской заговорной традиции.
- ¹⁴ Druskininkų dainos / Užrašė J. Balčikonis. Vilnius, 1972, 22.
- ¹⁵ Певская Л. Г. *Инт. margas...*, 132.
- ¹⁶ Lietuviškos dainos... 153.
- ¹⁷ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, 190.
- ¹⁸ Успенский Б. А. Филологические разыскания... особенно об участии петуха и курицы в похоронах прозивника Громовержца (86).
- ¹⁹ Топоров В. Н. Петух. — В кн.: Мифы народов мира. М., 1982, II, 309—310. О противопоставлении черного и светлого петуха как манифестантов оппозиции вода / огонь специально см.: Иванова Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские... семиотические системы, 151—152.
- ²⁰ В. И., В. Т. Раугулатис. — В кн.: Мифы народов мира, II, 371.
- ²¹ Топоров В. Н. К реконструкции мифа о мировом яйце (на материале русских сказок). — В кн.: Труды по знаковым системам. З. Тарту, 1967.
- ²² Endzelins J., Hauzenberga E. *Op. cit.*, XV, 350.
- ²³ Успенский Б. А. Филологические разыскания... 176; Судник Т. М., Цивьян Т. В. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе. — В кн.: Структура текста. М., 1980. См. также литовскую легенду о циклах человеческой жизни, поставленной в зависимость от работы пряхи и шести ее сестер, последняя из которых разрывает полотно, что приводит к смерти человека (Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1983, 363).
- ²⁴ Об архаическом характере песен, в которых использован этот эпитет, упоминания в них древнелатышских мифологических персонажей (Dievs, Māra, Jānis и др.) см.: Rūķe-Draviņa V. *Beloruss. rojba, lett. raibe*. — *Zīsl*, 26, 1981, N 4, 555—557.
- ²⁵ О философском смысле пестроты как парусности единства, переходе к разложению и раздвоению, лукавству, лживости в ином контексте см.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984, с. 157.
- ²⁶ Удовиченко Г. М. Словник українських ідіом. Київ, 1968, с. 337.

II. Немец

РАСКРЫТИЕ ПОНЯТИЙНОГО ЯДРА СЛОВА ПРИ ЛЕКСИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЯЗЫКА ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

1. К основным проблемам лексикологии и лексикографии относится раскрытие понятийного ядра слова, т. е. раскрытие концептуального значения или концептуального ядра лексического значения слова¹. Так как понятийное ядро слова является отражением отрезка действительности в сознании людей, пользующихся этим словом, эта проблема усложняется, когда речь идет о языке древнего периода. Специфическая проблематика исторической лексикологии заключается не только в том, что обозначаемые отрезки действительности (денотаты) в изучаемый период нередко были иными, чем сейчас, но и в том, что денотаты в тот период могли пониматься говорящими иначе, чем сейчас их понимаем мы. Многие

слова, оставаясь в течение своей многовековой истории идентичными по своей денотативной (предметно-вещественной) отнесенности, отличаются в древний период исторической эпохи своеобразным понятийным ядром своего значения (своеобразным психическим отображением денотата) по сравнению с более поздним этапом своего развития.

2. В чем чаще всего заключается различие между современным понятийным ядром слова и его ядром в языке древнего периода? Чем здесь определяются архаические дифференциальные понятийные компоненты? Эти характерные дифференциальные семантические компоненты связаны в первую очередь с верой в магию (2.1) и с древними астрономическими представлениями (2.2), с ограниченностью познания природы (2.3), а также с акцентировкой иных аспектов денотата (2.4).

2.1. Одним из центральных слов древнеславянской магии е с к о й терминологии является глагол *klěti sę*. Древнерусское *кляти ся* и др.-чеш. *klěti sě* в словарях объясняется как 'присягать, присягой что-либо подтверждать или отрицать; клаться'². Однако понятие присяги здесь не совпадало с современным понятием. Об этом свидетельствует иное языковое оформление понятийного содержания этого слова, проявляющееся в его архаических синтагматических (2.1.1) и парадигматических (2.1.2) связях с другими словами языка того периода.

2.1.1 Др.-чеш. устойчивое синтаксическое словосочетание *klěti sě a přisahati* (Gebauer I, 48) указывает на то, что *klěti sě* не было тождественным с *přisahati* 'iurare', и тот же возвратный глагол в ст.-слав. и др.-рус. языках имеет дополнения, функцию которых исторические словари не объясняют: например, *klěti sę glavoję svojeję* (Зогр и Мар, Мт 5, 36), *кляти ся оружьем своим и Перуномъ* (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 193). Что здесь, собственно, означают творительные падежи *glavoję svojeję* и *оружьем своим и Перуномъ*? Было ли это действительно только средство, подкрепляющее правдивость уверения ссылкой на нечто или упоминанием чего-либо ценного, как это объясняется в лексикографических описаниях современного понятия присяги?³

2.1.2. П а р а д и г м а т и ч е с к и е связи указывают, что здесь форма творительного падежа имела иную функцию. Если мы сравним возвратный глагол *klěti sę* в древних языках с соответствующей основой без *sę* — *klěti* и ее производными (*klěva*, *proklěti* и др.), то нам представляется наиболее правдоподобным, что и возвратному глаголу еще в начале исторического периода был присущ общий архаический компонент проклятия, т. е. компонент наказания, призванного магической силой слова. Следовательно, творительные падежи *svojeję glavoję*, *своим оружьем и Перуномъ* и т. п. в данном случае скорее касались некоторых подробностей наказания давшего клятву и нарушившего ее. Такая интерпретация отвечает структурному значению словосочетания *klěti sę čimъ / sěmъ* 'призывать на себя проклятие-наказание, совершенное посредством чего или кого'⁴.

2.1.3. Др.-рус. словосочетание *кляти ся оружием своим и Перуномъ*, следовательно, интерпретируем: 'давать клятву с сознанием (призыванием) наказания собственным оружием и Перуном в случае нарушения клятвы'. Такая интерпретация имеет реальную историческую основу в содержании древних присяг-заклинаний. Так, например, в договоре князя Игоря с греками имеется заключительная присяга: «Аще кто . . . преступит се, еже есть писано на хараты сев, будегъ достоинъ своимъ оружиемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву» (Срезневский I, 1236). Возникает вопрос, как понимали славяне у глагола *klęti sę* дополнения *glavojo svojejo, nebesьmь, zemljejo* и т. п., когда они использовались в ст.-слав. евангелии (Мт 5, 34—36). Вероятно, не так, как также конструкции понимаем мы, то есть как простое подтверждение ссылкой на святого или упоминанием чего-либо святого или ценного (см. прим. 3). Скорее всего необходимо принимать во внимание то, что и здесь еще имело место древнее языческое понимание присяги как заклинания, в котором дополнение точнее определяло подробности наказания клятвопреступника⁵: наказание в форме потери головы, наказание с неба или из земли и т. п. Как иначе могли бы мы объяснить ст.-слав. сочетание *klęti sę zdravijemь carevěmь* (Slovník jaz. stsl. 15, 33), если не так, что названная вещь была для клянущегося дорога и должна была вместе с ним подвергнуться уничтожению в случае нарушения клятвы или ее ложности⁶. Точно так же клятва землею (ст.-слав. *klęti sę zemlejo*) тогда еще включала элемент проклятия, так как земля была символом посмертного удела человека. Древнее заклинание с упоминанием земли, которая поглотит клятвопреступника, подтверждается в чешской культуре не только языковыми явлениями (заклинаниями типа *ať se na tom místě do země propadnu, jestliže lži* «провалиться мне на этом месте, если лгу» и т. п.), но и древними юридическими обычаями. Так, например, еще в начале 17 в. для свидетелей в деле спора о меже «выкопали пять могил, чтобы каждый поклялся не иначе, как „умереть ему на этом месте“»⁷. А человек, обвиненный в краже собаки, еще в первой половине 14 в. в Чехии мог перед судьями поклясться: *sem li ten pes ukradl, Bůh daj, bych opsěl jako ten pes* «стать мне собакой, если я украл эту собаку»⁸. В таких клятвах сохранилась древняя вера в магическую силу слова, поэтому др.-чеш. название этой клятвы *klętva* в историко-юридической литературе объясняется как «заклинание себя сверхъестественной силой с верой в моментальное действие»⁹.

2.1.4. Естественно, что под влиянием христианства эти древние обычаи клятв и клятв-заклинаний были переоценены¹⁰. В языке эта переоценка проявилась в том, что дополнения при глаголах клятвы были ограничены обозначением сверхъестественного свидетеля или чего-либо, что для клянущегося свято или особо ценно (см. прим. 3); при этом утратилось древнее восприятие того, что этими дополнениями конкретизируется наказание (проклятие) за ложную клятву или ее нарушение. Таким образом была потеряна языковая база древнего понимания, что клятвой, собственно, призывается

наказание на клятвопреступника. В словах *klęti sę, klętva* и т. п., таким образом, исчез архаический компонент веры в магическую силу слова, на существование которого указывают архаические синтагматические (2.1.4) и парадигматические (2.1.2) структуры. Точно так же в др.-рус. названии сумасшествия *бѣсование* мы сталкиваемся с архаическим компонентом веры в нечистую силу, так как ее наличие выявляется в живых парадигматических связях этого слова со словами *бѣсъ, бѣсновати ся* 'быть одержимым бесом', а также связях синтагматических: ср.: того свободи отъ бѣсования. . . и изгна отъ него бѣсы (СлРЯ XI—XVII вв. 1, 155).

Примеры из других областей мы приведем схематически — в форме четырех данных у каждого: А = лексическая форма слова в языке древнего периода, Б = значение его современного эквивалента, В = архаический дифференциальный компонент понятийного ядра данного древнего слова, Г = примеры его архаических синтагматических связей, Д = примеры его архаических парадигматических связей.

2.2. В области астрономических понятий мы встречаемся со словами, понятийное ядро которых в древний период отражало древние представления о земле и космосе. Пример: (А) *nebo*; (Б) 'небо'; (В) представление Птолемея о системе концентрических небесных сфер-сводов; (Г) др.-рус. *сѣмиде на шестое небо*¹¹, др.-чеш. *slunce skrze troje nebesa svieli* (StěSlov 1977, 380); (Д) ср.: др.-чеш. *nebeský* 'сферический' (Там же, 385).

2.3. Точно так же на более низком уровне в средние века было знание явлений природы. Мышление людей того времени формировало отражение природных фактов иначе — в иные понятийные ядра слов, чем сейчас; различие заключалось прежде всего в меньшей дифференциации целого ряда понятий, которые образовывали понятийные ядра естественческих терминов¹². Пример: (А) *žila*; (Б) 'жила, вена'; (В) нечеткая разграниченность понятий жила, вена, сосуд, сухожилие, нерв и др. (главным образом органов движения и чувств)¹³; (Г) др.-рус. *конемъ изъ жилы пресѣче, ослабленъ жилами* (о парализованном) (Срезневский I, 873), *жилы дыхальные, бьен бытъ жилами говязами* (СлРЯ XI—XVII вв. 5, 110)¹⁴; др.-чеш. *žily, kteréž hýbají paži* 'жилы, которые двигают рукой', *uražení žily sluchu* 'повреждение жилы слуха', *průdušná žila třepilá* 'trachea', *krev púštěti z žily* (см. прим. 13); (Д) ср. *жилки* 'волокна' (СлРЯ XI—XVII вв. 5, 111). Так же мало были дифференцированы понятия «головной мозг», «костный мозг» и «спинной мозг», выражавшиеся словом др.-рус. *mozgъ*, др.-чеш. *mozk* и др.

2.4. Однако и у обычных слов основного словарного фонда в древнем языке их понятийное ядро могло отличаться от современного своеобразной расстановкой акцентов в спектре аспектов денотата. Примеры: (А) *obědъ*; (Б) представление о коллективно-множественном производителе действия; (Г) др.-рус. *сѣтвори обѣдъ братии великъ* (Срезневский II, 585), др.-чеш. *donajíce oběd* (StěSlov 1977, 1077); (Д) ср.: *obědъ* 'званный обед', глагольная основа типа *o(b)šesti* со структурным значением действия,

осуществляющегося коллективно-множественным производителем вокруг чего-то. (А) *oko / glazъ*; (Б) 'око'; (В) выпуклость; (Г) др.-чеш. *vyhlúpiti oko*, ср.: *vyhlúpiti kámen z prstena* 'выковырнуть камень из перстня' (Картотека StĚSlov); (Д) ср.: др.-чеш. *oko* вторично 'почка', *oko kolena* 'чашка, *okulus genu*' (StĚSlov 1978, 392), др.-рус. *глазокъ* 'отшлифованный камешек', *глазунъ* 'человек с выпученными глазами' (СлРЯ XI—XVII вв. 4, 29 и 30)¹⁵.

3. Каковы, следовательно, основные принципы раскрытия понятийного ядра слова в древнем языке? На основе всего вышесказанного можно коротко ответить на этот вопрос следующим образом: необходимо тщательно проанализировать синтагматические (2.1.1) и парадигматические (2.1.2) структуры, в которые в древнем языке входило данное слово, и в достаточной мере изучить соответствующий круг реалий (2.1.3), к которому в то время относился денотат изучаемого слова. На примере древнего слова *kleĭti se* мы показали, что его значение не может быть полностью выражено современными эквивалентами 'присягать, давать клятву' (с чем мы нередко встречаемся в исторической лексикографии). Дело в том, что здесь был важный дифференциальный понятийный компонент, существование которого выявляется в валентных дополнениях засвидетельствованных контекстов (*orŕžbjetъ svoimъ, glavojo svojej, zemljejo*...), в словообразовательных связях языковой системы того периода (например, с основным глаголом *kleĭti kogo* 'проклинать'), в данных истории о древних клятвах-заклинаниях и их месте в общественно-культурной структуре того времени. Принимая во внимание все вышесказанное, древний глагол *kleĭti se* мы определили бы следующим образом: 'клясться с сознанием неминуемого наказания (точнее определенного валентным дополнением), если дающий клятву лжет или нарушит клятву'. Изложение валентных дополнений и определений, если они потенциальны, в современной исторической лексикографии дается не всегда (см. словари, цит. в прим. 3). Однако современные работы о семантической структуре предложения обращают внимание на то, что и потенциальное валентное дополнение слова (глагола) на синтаксическом уровне соответствует облигатному (обязательному) компоненту в его семантической структуре¹⁶. Например, в сочетании *kleĭti se orŕžbjetъ svoimъ* потенциальный творительный падеж *orŕžbjetъ svoimъ* определяет средство наказания клянущегося в случае нарушения клятвы и тем самым объективизируется (оформляется языковыми средствами) обязательный компонент наказания в понятийном значении данного глагола. Следовательно, валентный потенциал (2.1.1) и словообразовательная структура слова (2.1.2) относятся к основным элементам языкового оформления понятийного содержания в лексическое значение¹⁷. Поэтому без тщательного анализа этих языковых элементов невозможно обойтись вообще, а в исторической лексикологии и лексикографии тем более, так как здесь все языковые данные, объясняющие семантику, приобретают большую цену, ибо нам приходится работать с неполным материалом.

Примечания

- 1 Так называет психическое отражение денотата, например, Ю. Маслов: *Маслов Ю. С. Введение в языкознание*. М., 1975, 112.
- 2 Значение этого древнего глагола выражается синонимами или эквивалентами современного русского глагола *клясться* 'давать клятву' (*Ушаков I*, 1381): др.-рус. *кляти ся* 'iurare' (*Срезневский I*, 1237), 'давать клятву, обещать что-либо с клятвой, клятвенно утверждать или отрицать что-либо' (СлРЯ XI—XVII вв. 7, 193); др.-чеш. *kleĭti se* 'zaklínati se' (Gebauer II, 48), причем современное чешское *zaklínati se* означает 'клясться, убеждать в правдивости чего-либо' (SJSĚ 4, 515—516).
- 3 См., например, чеш. *přisaha* 'торжественное уверение в правдивости чего или обещание чего со ссылкой на Бога, святого или на что-либо священное' (PSJĚ IV, 2, 429) или рус. *клятва* 'торжественное утверждение, уверение, подкрепленное упоминанием чего-нибудь священного, ценного, авторитетного' (*Ушаков I*, 1381). См. Срезневский (I, 1235—1238), см. СлРЯ XI—XVII вв. (7, 191—193) подобные валентные дополнения у др.-рус. слов *клятва* и *клятися* не объясняют и, тем самым, понятийно отождествляют их с валентными дополнениями современных «эквивалентов» *přisaha*, *давать клятву* и т. п.
- 4 Структурные значения мы приводим в двойных кавычках. О сущности структурных значений см.: *Němec I. Slovtovorný význam a expresivita*. — *Slovo a slovesnost* 33, 1972, 116—121; *Idem. Rekonstrukce lexikálního vývoje*. Praha 1980, 44; *Dokulil M. K otázce prediktability lexikálního významu slovtovorně motivovaného slova*. — *Slovo a slovesnost* 39, 1978, 244 и сл.
- 5 С общеславянской точки зрения речь шла не только о способе, средстве и орудии наказания, но и о действующем лице (*кляти ся Перуномъ*): брать бога в свидетели своей правдивости означало призывать на себя наказание за ложь.
- 6 О таком определении клятвы, в сущности уже древнем, см.: *Novotný A. Biblický slovník*. Praha, 1956, I, 753. Новый завет (Mt 5, 33—37) запрещал клятвы именно потому, что человек не мог располагать тем, о чем говорилось в клятвах.
- 7 *Winter Z. Kulturní obraz českých měst*. Pr., 1892, II, 663. О клятве в могиле свидетелей, обращенных лицом к солнцу, имеется несколько документов того времени из различных областей чешского государства (напр., см. *Archív český* 30, XX—XXI). Древность этого юридического обычая подтверждается противопоставлением солнца и темноты могилы, которое издавна было связано с противоположностью жизни и смерти; см.: *Иванов В. В. и Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. М., 1965, 137.
- 8 *Kniha Rožmberská* / Изд. Gebauer J. — LF 7, 1880, 2.
- 9 *Roučka B. и Ružička V. Pracovní heslář českého právně-historického terminologického slovníku*. Praha, 1957, 236. «Веря в моментальное действие» означает веру в сиюминутное наказание клянущегося за нарушение клятвы или лжи.
- 10 Напр., клятва свидетелей в могиле в 1600 г. (*Archív český* 30, XX) объяснялась тем, что давнишние клятвы в случае лжесвидетельства «должны были умереть на месте и быть положены в могилу».
- 11 Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Роткова, М., 1971, 175 (94a25).
- 12 О меньшей дифференциации естественных понятий, проявляющейся в древнем языке, см.: *Michálek E. Pojmová diferenciace — ústřední problém terminologie viděné historicky*. — *Slovo a slovesnost* 32, 1971, 312 и сл.
- 13 См.: *Nedvěďová M. K názvům žila, cjeva a žilina (žilna) v staročeských lékařských knihách*. — LF 101, 1978, 75—78.
- 14 *Жила* в последнем примере интерпретируется как 'бич из сухожилий', однако речь скорее шла о биче из половых органов быка, как в др.-чеш. словах *žila, býkovj pašek* и др.
- 15 Ср.: *Němec I. Rekonstrukce lexikálního vývoje*. Pr., 1980, 59 и 74. Приведенные архаические дифференциальные компоненты значения др.-чеш. слов *oběd* и *oko* выражаются в «Старочешском словаре» следующими формулировками: 'еда, главным образом совместная' (StĚSlov 1976, 1077), 'зрительный орган... отличающийся округлостью и выпуклостью' (StĚSlov 1978, 389).

- ¹⁶ См.: Daneš F., Hlavsa Z. и Kořenšký J. Postavení slovesa v struktuře české věty. — In: Československé přednášky pro VII. sjezd slavistů (Varšava 1973). Pr., 1973, 129 и сл.; Panevová J. Formy a funkce ve stavbě české věty. Pr., 1980, 25—26; в этой работе имеются ссылки и на небогемистическую литературу о связи между структурой значения слова (глагола) и его формальными грамматическими валентными свойствами (валентным потенциалом).
- ¹⁷ См.: Němec I. Jazykové ztvárnění psychického odrazu skutečností v lexikální význam. — Slovo a slovesnost 44, 1980, 26—31.

В. А. Никонов

НАИМЕНОВАНИЯ СТРАН СВЕТА

Употребляемые повседневно привычные понятия север, юг, восток, запад кажутся извечными; если они и меняли свое лексическое выражение, то новое занимало место прежнего. Это иллюзия. Менялись сами понятия. Ни у одного народа они не рождены, как единое целое, — возникали они порознь, каждое вне связи с другими.

О названиях стран света написано немало, описаны многие способы ориентировки, сделаны ценные наблюдения и некоторые обобщения. Но почти каждая из серьезных статей ограничена одной семьей языков. Нет попыток освоить становление системы в целом, что чрезвычайно важно для истории мировой культуры.

Различны источники, помогающие раскрыть, как человечество ориентировалось в пространстве: археология (ориентировка храмов и захоронений в Древнем Египте лицом к Нилу, на Таймыре — головой на север, — там царство мертвых, как выяснил Б. О. Долгих); этнография (жилые дома в Китае и Монголии обращены на юг); письменность (но она поздняя, а сведения об ориентировке в ней скудны). Не очень богато! Поэтому главный источник — свидетельства живых языков: отражения былого в современных названиях.

Ранние ориентировки локальны: к реке, за горой («вот этой!»). Не века, а тысячелетия рождают способность обобщить. У пивхов нашего времени Е. А. Крейнович констатировал ориентировки по течению рек, из леса к берегу, вниз с горы, на противоположный берег и т. д., самые конкретные, и не было понятия север, оно принесено только русскими. На обсуждении моего доклада в Институте этнографии С. А. Арутюнов рассказал, что у оленых чукчей двадцать два румба пространственной ориентировки, не соотношенных с нашими полюсами и географическими координатами. В языке манси на север первоначально означало 'вниз', т. е. по течению Оби — поворота могучей реки служили основным ориентиром. В бирманском юг — *таунг*, первичное значение 'гора'.

Самая ранняя из ориентировок не локальных — видимое положение солнца по отношению к горизонту. Само существование человечества зависит от солнца. Древние религии обожествляли его. Естественно, что именно местоположение солнца стало основой

пространственной ориентировки (хотя и на это упел, вероятно, не один из четырех миллионов лет, насчитываемых человечеством). Ориентировка по солнцу зафиксирована у самых различных народов мира, не общавшихся между собой. Особенно часты обозначения востока и запада, а именованья полярных сторон во многих языках иные (в русском, осетинском, адыгейском, эвенском, корякском и др.), но и для этих сторон они нередки (север — лакск. *уцсаа* 'низ неба', фин. *pohja* 'дно' — солнце под горизонтом). Такая общность неродственных языков явно не генетична и не контактна, а типологична: результат одинаковых условий.

При этом само солнце упоминают редко, оно — имплицитно, подразумевается (подобно выражению «кило белого» — главное «хлеба» отброшено, как избыточное). Или, может быть, даже табуировано?

Несравнимо реже названия стран света по звездам, ведущим мореплавателей и охотников. Путь Одиссею указывала Большая Медведица, еще раньше это созвездие стало в Двуречье знаком севера. Латинское название севера *septentrion* 'семерка' — семь быков, это семь звезд Большой Медведицы, отсюда франц. *septentrional* 'северный'. Ожидает обсуждения недавняя гипотеза В. Пизани, объясняющая юг из названия созвездия Весы.

К именованьям по положению солнца семантически очень близки, а лингвистически иногда даже тождественны, названия сторон горизонта по временам суток, особенно частые у народов Восточной Европы — славян (в прошлом *полночь*, *полдень* господствовали, у поляков — и поныне), балтов, румын, финно-угров, есть и в тюркских языках; в немецком одно из обозначений юга *Mittag* 'полдень'. По-видимому, эта общность в значительной мере обязана и контакту, например, ее распространение на Западную Европу из Древнего Рима *west / vesper*, с лат. 'вечер', а там еще из Греции («золотые сады Гесперид», жителей запада — италиков или западных греков). Иногда контактирующие в древности разделены большими расстояниями: венг. *dél* 'юг' из монгол. *дюль*, с предполагаемым посредством тюрков-булгар.

Кроме названий по временам суток есть и названия по временам года: лтш. 'север' *ziemeli* 'зимний' — синонимично с 'холодный' во многих языках и антонимично тождествам 'юг=лето' в языке Маршалльских островов, 'юг-тепло' в ненецком, эвенском, корякском.

В очень многих случаях трудно решить: связаны ли именованья сторон света 'верх, низ' с видимым положением солнца или с рельефом местности, то есть ориентировка не космична, а локальна: северней называющих простиралась низменности. Вариант: 'вниз' — по течению реки. Вслед за Э. К. Пекарским и Г. В. Попов настаивает, что якутское 'север' вторично, а первоначально значение 'вниз по течению реки'; и Г. М. Василевич, приведя обильные примеры, отстаивает приоритет «речной» этимологии тождества 'низ-юг' в языке эвенков. Возможно, но доказательства слишком зыбки — ни былого, ни современного расселение якутов и эвенков не настолько «односторонне». Бесспорней локальны тождества 'север — верх', как некогда в санскрите, а сегодня — в пилотском языке лапо.